

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра философии и методологии науки

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Учебно-методическое пособие по курсу
«Социогуманитарное знание и развитие социальных технологий»
для студентов философского факультета направления подготовки
47.03.01 – Философия

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2016

РАССМОТРЕННО И УТВЕРЖДЕНО методической комиссией философского факультета

Протокол № 22 от 29 июня 2015 г

Председатель МК ФсФ Ю.А. Пучкина

Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с тематикой семинарских занятий и программы курса «Социогуманитарное знание и социальные технологии» для магистров философского факультета, направление подготовки 47.03.01 – Философия. Особое внимание уделено конструктивно-практической природе социально-гуманитарного знания как когнитивной базе социальных технологий, их природе, структуре и формам функционирования. Пособие содержит программы семинарских занятий, методические указания к их проведению и задания, предлагаемые для самостоятельной работы. Для преподавателей, аспирантов, студентов и магистрантов.

СОСТАВИТЕЛЬ:

М.П. Завьялова,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки

РЕЦЕНЗЕНТ

Н.П. Лукина, доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарной информатики ФсФ ТГУ

СОДЕРЖАНИЕ

1. Структура и содержание учебной дисциплины «Социогуманитарное знание и социальные технологии»	4
1.1. Входные требования для освоения дисциплины, предварительные условия	4
1.2. Планируемые результаты обучения по дисциплине, соотнесенные с планируемыми результатами освоения образовательной программы	4
1.3. Содержание и методические указания по курсу	5
1.4. Темы семинарских занятий	7
1.5. Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы	9
1.6. Примерный перечень вопросов для зачета	10
1.7. Перечень основной и дополнительной литературы	11
1.8. Программное обеспечение и Интернет-ресурсы	13
2. Материалы для подготовки к занятиям	14
2.1. Хайдеггер М. Европейский нигилизм	14
2.2. Касавин И.Т. Об эмпирической базе исследований социальных технологий: типологические соображения	14
2.3. Стебаков Д.А. Особенности социально-гуманитарных технологий с точки зрения психологической науки и практики	18
2.4. Игнатенко А.С. Социальные технологии и власть-знание	19
2.5. Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий	22
2.6. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции	37
2.7. Лекторский В.П. Социальные технологии и человек	40
2.8. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Какой посткапитализм нужен России?	43

1. Структура и содержание учебной дисциплины «Социогуманитарное знание и социальные технологии»

1.1. Входные требования для освоения дисциплины, предварительные условия

При освоении данной дисциплины необходимы в качестве «вводных» знаний следующие умения и готовности, приобретенные в результате освоения предшествующих дисциплин:

- обладать общекультурными знаниями и умениями, в том числе:
- знать и уметь адекватно применять общенаучные, конкретно-научные (социологические), философские понятия, использовать их на уровне навыков и умений в организации собственной научно-исследовательской деятельности, в умении видеть прикладное значение полученных научных знаний и направление их использования.

Данная дисциплина логически и методически взаимосвязана с дисциплинами: философия, проблемы методологии социально-гуманитарных наук, методология социальных наук, методологические основания визуальной антропологии, проектирование в практике управления, психология управления и др.

1.2. Планируемые результаты обучения по дисциплине, соотнесенные с планируемыми результатами освоения образовательной программы

В развитие творческого потенциала и саморазвития обучающийся должен:

- демонстрировать способность и готовность к выбору адекватных философско-методологических подходов к пониманию природы, структуры и функционирования социальных технологий;
- способность к выявлению применяющихся социальных технологий в современном обществе, распознавать их цели, квалифицировать их форму и направленность;
- отличать манипулятивные и альтернативные им социальные технологии;
- уметь видеть и определять прикладные стороны социальных наук и искать средства защиты от манипулятивных социальных технологий

ОК-1, II уровень:

Владеть современной философской и социально теоретической терминологией, навыками методологического анализа научного знания в целом, и социально-гуманитарного знания в частности, его уровней, форм и методов, его специфических особенностей.

Уметь интерпретировать философские тексты, использовать фундаментальные знания общенаучной и философской методологии в среде профессиональной деятельности, особенно в контексте возможности прикладного (технологического применения) результатов научно-исследовательской деятельности в рамках полученной профессии.

Знать: современные представления в целом о науке и технике (технологии), о специфике предмета и задач, функций СГН, возможности их применения в прикладных аспектах; природу социальных технологий, как особого типа технологий, структуру социальных технологий, приемы и инструменты, так же цели социальных технологий и формы их применения в современном обществе, когнитивную базу социальных технологий.

ОК-3(общекультурная) – готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала.

1.3. Содержание и методические указания по курсу

Изучение дисциплины должно осуществляться поэтапно, последовательно от первой темы к четвертой. Самостоятельная работа выполняется студентом параллельно с контактной. Каждая тема представлена каким-либо видом контактной работы и сопровождается материалами для самостоятельного изучения. Отличительной особенностью данной дисциплины является её сопряженность с курсами: «Введение в философию», «Методология социально-гуманитарных наук», «Психология управления», «Методология социологических исследований», «Проектирование в практиках управления», «История социологии» и др.

Существует логическая и практическая взаимосвязь данных дисциплин между собой и с перспективой дальнейшего обучения в аспирантуре и подготовкой к сдаче кандидатского экзамена по «Истории и философии науки». Это следует учитывать магистрантам, планирующим свою как практическую, так и научную карьеру.

Успешность освоения дисциплины напрямую зависит от уровня общей гуманитарной и естественно-научной подготовки обучающегося, знаний всеобщей истории, истории философии, истории социологии, истории техники и др.

Тема 1. Введение в спецкурс. Общая характеристика предмета и проблематики спецкурса

Здесь важно, опираясь на предшествующие знания об онтогносеологической специфике социогуманитарного знания (полученные в курсах по философско-методологическим проблемам СГН, по методологии социологии и т.п.) заострить внимание на его практические, прикладные возможности, то есть следует понять, что предметом анализа в данной дисциплине будет развитие социальных технологий как результата практического прикладного использования социогуманитарного знания в различных социальных практиках.

По данной теме необходимо: изучить историю и состояние разработки проблематики СТ, её актуальность; выделить и охарактеризовать этапы, центры и направления исследований СТ; Охарактеризовать связь СТ: уточнение понятия СТ, их типология и формы, связь СТ с идеей модернизации, СТ как дискурс-технологии, проблематика СТ, как сетевых технологий, отношения «мягких» и «жестких» социальных технологий.

Тема 2. Определение понятия СТ. Типы СТ

По данной теме необходимо изучить (в том числе и самостоятельно) следующий материал:

Эволюция понятия технологии в философии техники и возможности его применения для анализа сущности СТ – технология как деятельностная сторона техники; инженерия, социотехнические системы, социальная инженерия, социотехнические системы, социальная инженерия; подходы к определению СТ: СТ как компонент общей (всякой) технологии; как любая технология для социальных целей; как «психотехника» манипуляции человеческой мыслительной деятельностью для достижения определенных целей; как средство предотвращения или уменьшения негативных последствий научно-технического прогресса. СТ как особый вид технологий: как прикладной аспект применения социогуманитарного знания в различных целях; в широком смысле как интегральное понятие, объемлющее в себе целый класс социальной активности человека; как дискурс-технология, сетевая технология; как некоторый гарантированный алгоритм управления социальными субъектами и процессами. Проблема типологии СТ: выделение типов по различным основаниям: по области применения; по целям, по характеру, по направленности и др.

Тема 3. Онтологические основания, когнитивная база и социокультурные предпосылки развития социальных технологий

По данной теме необходимо изучить (в том числе и самостоятельно) следующий материал: онтологические основания и когнитивную базу СТ в качестве которых выступает: природа человека как субъекта познания и преобразования природной и социальной реальности, его когнитивные возможности, мыслительные и эмоциональные процессы; когнитивная база СТ: венаучное знание (миф, религия, искусство и др.); проективно-конструктивистская природа СГН и возможность его применения : интеграция ЕН и СГН как фактор интенсификации СТ; социокультурные предпосылки и основания СТ: проективизм и конструктивизм в социокультурной практике.

Тема 4. Социальные технологии в практиках современного общества

По данной теме необходимо изучить (в том числе и самостоятельно): основные типы и формы современных социальных технологий («жесткие» и «мягкие», профессиональные, организационные, личностные и др.); преобладание манипулятивных технологий в современных социально-политических практиках, их цели и мишени; социальные технологии и «общество спектакля»; политический спектакль и манипуляция сознанием в направлении разрушения морали, общепринятых ценностей, социальных связей, идентичности, человеческой индивидуальности и т.п.; телевидение и Интернет как средство создания реальности, их амбивалентность как социальной технологии; человек и социальные технологии (СТ и человеческая свобода, СТ и человеческая субъективность; существуют ли пределы конструктивно-проективного отношения к миру? Каковы критерии созидательно-позитивного и разрушительного воздействия СТ на человека и общество? СТ и необходимость в философско-гуманитарной экспертизе.)

1.4. Темы семинарских занятий

Тема 1. Понятие социальной технологии

Эволюция понятия «технология» в философии техники и возможности его применения для анализа сущности СТ.

Деятельностный подход к определению понятия «технология» – технология как деятельностная сторона техники.

Частная и общая технология: термины – техника, технология, артефакт, технические средства, инженерия, социотехнические системы, социальная инженерия.

Социальная технология как компонент общей (всякой) технологии: как любая технология для социальных целей; как «психотехника» манипуляции человеческой мыслительной деятельностью для достижения определенных целей; как аспект проектирования социотехнических систем; как средство предотвращения или уменьшения негативных последствий конвергентных технологий (и в целом НТП)

Тема 2. Социальные технологии как особый вид технологий

СТ как прикладной аспект социально-гуманитарного знания; как особого рода социальная активность человека; сетевые технологии, как некоторый гарантированный алгоритм управления социальными субъектами и процессами.

Тема 3. Когнитивная база социальных технологий

Субъект социальных технологий: природа человека, как предпосылка СТ: психосоматика, язык, когнитивные возможности; социальный институт как субъект СТ. (Организационные технологии СТ как практика отдельной личности (креативные технологии))

Когнитивная база социальных технологий: венаучное знание когнитивная база СТ(миф, магия, религия, искусство, повседневный опыт); Социально-гуманитарные науки и СТ.

Семинарские занятия необходимы в конце курса для обсуждения определённой в их планах тематики, прочитанных текстов и прояснения накопившихся вопросов. Часть материала спецкурса, не вошедшая в содержание семинарских занятий, изучается самостоятельно и представляется в форме докладов, эссе, рефератов.

В целом освоение курса предполагает самостоятельную работу студента с рекомендованной научной и учебной литературой, обращение к справочным ресурсам в случае необходимости. Функция преподавателя заключается в преподнесении концептуально проработанного материала по теме спецкурса и в консультировании по возникающим вопросам и

связывании разнородного материала в единый комплекс представлений о специфике социогуманитарного знания в динамике его вненаучных и научных форм. Лучший вариант освоения данного курса – это сочетание собственной исследовательской деятельности студента с освоением знаний по философии и методологии науки. Только через рефлексию своей научной деятельности возможно наиболее полное усвоение комплекса знаний, умений и навыков по данной тематике.

Литература

1. Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социальных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. № 2. С. 110–124.
2. Горохов В.Г. Техника, технология и проектирование – социотехника, социально-гуманитарные технологии, социальное проектирование // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1 С. 80–90.
3. Игнатенко А.С. Технологизм, технократизм, тоталитаризм. К критике механической парадигмы СТ // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 73–80.
4. Иконикова Г.И. О понятии социальной технологии // Философские науки . 1984. № 5.
5. Касавин И.Т. Социальные технологии. Теоретические коннектуализации и примеры // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
6. Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. № 4. С. 5–15.
7. Касавин И.Т. Социальные технологии и социальные практики // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1 С. 52–55.
8. Лекторский В.А. Социальные технологии и человек // Лекторский В.А. Философия, познание, культура. М., 2012. 384 с.
9. Моисеева А.П., Ланкин В.Г., Кондратьева И.В. Социальная инженерия в контексте трансдисциплинарности. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2013.
10. Чавес М.С, Куплель Х.В. Социальная наука и социальная технология // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 101–103.
11. Юдин Б.Г. Технологии в социальных и технических системах // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С. 55–64.

1.5. Перечень примерных контрольных вопросов и заданий для самостоятельной работы

1. История и состояние разработок проблематики социальных технологий.
2. Эволюция понятия технологии в философии техники и возможности его применения для исследования социальных технологий.
3. Социальные технологии как компонент общей (всякой) технологии, как любой технологии для социальных целей.
4. Социальные технологии как особый вид технологий.

5. Онто-гносеологические основания СТ.
6. Когнитивная база СТ.
7. Проективно-конструктивистская природа СГН и возможности их прикладного применения.
8. Проективизм и конструктивизм в социокультурной практике как предпосылка СТ.
9. Проблема типологии СТ.
10. Понятия «социотехника», «социально-гуманитарное проектирование», «социальные технологии».
11. Способы концептуализации СТ.
12. Социально-политические технологии, их цели, инструменты и приемы.
13. СТ и их функционирование в системе управления.
14. Ценностные векторы в способах применения СТ.
15. «Вульгарный технократизм» и «просвещенский технократизм» как альтернативные идеологии в применении СТ.
16. СТ как средство манипуляции сознанием.
17. Проблема поиска средств защиты от манипулятивных СТ.

Примерная тематика рефератов, докладов и эссе

1. Социальные технологии: их производство и потребление.
2. Теоретические основания концептуализации СТ.
3. Технологии в социальных и технических системах: общее и особенное.
4. Критика механистической парадигмы СТ.
5. М. Фуко о «сращении знания и власти» как факте перехода от до-технологического к технологическому состоянию власти.
6. СТ и власть манипуляции: основные доктрины манипуляции.
7. Интеграция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания как фактор интенсификации СТ.
8. СТ и «общество спектакля».
9. Свобода и индивидуальность человека в мире СТ.
10. «Кентавр – идеи» как технология манипулирования сознанием.

1.6. Примерный перечень вопросов для зачета

1. Определение понятия «социальной технологии».

2. История и состояние разработок проблематики социальных технологий.
3. Технологии в технических и социальных системах: общее и особенное.
4. Проективно-конструктивистская природа социогуманитарного знания и возможности его прикладного применения.
5. Субъект СТ: социальный институт, социальное свойство, личность.
6. Когнитивная база СТ: венаучное и научное знание, их соотношение.
7. Проблема типологии СТ: основные типы СТ в зависимости от субъекта; от характера воздействия на объект, от содержательной специфики социальных практик, как зоны действие СТ и др.
8. М.Фуко о дотехнологической и технологической фазах развития общества.
9. Манипулятивные технологии в социально-политических практиках. «Общество спектакля».
10. Телевидение и интернет как средства конструирования реальности, их амбивалентность, как социальной технологии.
11. Социальные технологии и человеческая свобода.
12. М. Фуко «техника–себя» как средство сохранения человеческой автономности и креативности в условиях манипулятивных СТ.
13. Ценностные векторы в способах применения СТ.
14. Социальная инженерия: её возможности и пределы.
15. Социальные технологии и необходимость в философско-гуманитарной экспертизе.

1.7. Перечень основной и дополнительной литературы

Основная литература

1. Бергер Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
2. Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. №2. С. 110–124.
4. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.
5. Касавин И.Т. Социальные технологии и научное знание // Эпистемология и философия науки. 2010. №4. С. 5–15.
6. Лекторский В.П. Социальные технологии и человек // Лекторский В.П. Философия, познание, культура. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 177–189.
7. Наука и социальные технологии. М.: ИФ РАН, 2011. 203 с.

8. Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества (К вопросу о методологии) // Вопросы философии. 2003. №11. С. 3–18.
9. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

Дополнительная литература

1. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Какой капитализм нужен для России? // Вопросы философии. №8. 2015.
2. Бауман З. Текучая повседневность. СПб., 2010.
3. Бызов Л.Г. Что нам несет постсовременность, всесокрушающая и хрупкая? // Социологические исследования. 2012. №6. С. 148–151.
4. Герасимова И.А. Неустрашимость неопределенности в социальной оценке техники // Эпистемология и философия науки. 2012. №2. С.123–141.
5. Горохов В.Г. Техника, технология, проектирование – социотехника, социально-гуманитарные технологии, социальное проектирование // Эпистемология и философия науки. 2012. №1. С. 80–90.
6. Грачев Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999.
7. Грэхем Л. Призрак казенного инженера. Технология и падение Советского союза. СПб., 2000.
8. Дейнеко О.А. Технология управленческих работ в машиностроении. М., 1987.
9. Друкер П. Практика менеджмента. М., 2000.
10. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М., 1999.
11. Игнатенко А.С. Технологизм, технократизм, тоталитаризм. К критике механистической парадигмы СТ // Эпистемология и философия науки. 2012. № 1. С.73–80.
12. Иконникова Г.И. О понятии социальной технологии // Философские науки. 1984. №5.
13. Кантор К. Двойная спираль истории. Историсофия проектизма. Т.1: Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры, 2002. 904 с.
14. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект, 2009. 380 с.
15. Касавин И.Т. Социальные технологии и социальные практики // Эпистемология и философия науки. 2012. №1. С. 52–55.
16. Касавин И.Т. Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры // Общественные науки и современность. 2012. №6.
17. Колпаков В.А., Федотова В.Г. Технология постепенных социальных преобразований или социальной инженерии К. Поппера // Эпистемология и философия науки. 2013. №4. С. 62–72.
18. Лукман Н. Социальные системы. СПб., 2007.
19. Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке // Вопросы философии 2015. №5.
20. Лепский В.Е. Саморазвивающиеся инновационные среды в контексте становления VII социогуманитарного технологического уклада // Организация саморазвивающихся инновационных сред. М.: Когит-центр, 2012.
21. Никредин Г.Д. Социальные технологии в системе производственной деятельности. Методология, методика, практика. Волгоград, 1992.
22. Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий / отв. ред. Касавин И.Т. М., 2012.
23. Основы социальных технологий. Ч.1. Белгород, 1992; Основы социальных технологий: прикладная социология и психология. Ч.2. Белгород, 1992.

24. Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993.
25. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992.
26. Расторгуев С.П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1998.
27. Рац М.В., Котельников С.И. Наука реформирования и реформа РАН // Эпистемология и философия науки. 2013. №4. С. 55–62.
28. Родионова А.Е. Язык «общества спектакля» // Философская мысль. 2002. №1 – 2.
29. Соколова Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен // Социологические исследования. 2012. №5. С. 3–12.
30. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.
31. Технологии политической власти. Зарубежный опыт / В.Н. Иванов и др. Киев, 1994.
32. Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. 2011. №12. С. 3–13.
33. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. №12. С. 23–33.
34. Фарман И.П. Проективно-конструктивный и коммуникационный подходы к социально-культурной реальности // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 308–338.
35. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
36. Фуко М. Археология знания. Киев: «Ника-центр», 1996.
37. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону истины и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
38. Чавес М.С., Куллелл Х.В. Социальная наука и социальная технология // Общественные науки и современность. 1992. №6. С. 101–103.
39. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
40. Щедровицкий Г.П. «Естественное» и «искусственное» в социотехнических системах // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
41. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. М., 2000.
42. Эволюционная эпистемология и логики социальных наук. Карл Поппер и его критики / под ред. В.Н. Садовского. М., 2000.
43. Юдин Б.Г. Технологии в социальных и технических системах // Эпистемология и философия науки. 2012. №1. С. 55–64.

1.8. Программное обеспечение и Интернет-ресурсы

1. Национальная философская энциклопедия <http://terme.ru/>
2. Философский портал: социальная и политическая философия <http://www.philosophy.ru/lib/soc/>
3. Портал «Философия online»: каталог сайтов по философии <http://phenomen.ru/catalog/?c=60>
4. Портал «Гуманитарное образование»: <http://www.humanities.edu.ru/db/sect/22>
5. Цифровая библиотека по философии http://filosof.historic.ru/books/c0027_1.shtml
6. Электронная гуманитарная библиотека <http://www.gumfak.ru/filosof.shtml>
7. Stanford Encyclopedia of Philosophy <http://plato.stanford.edu>

2. Материалы для подготовки к занятиям

2.1. Хайдеггер М. *Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 285.*

«Сейчас обнаруживается то, что Ницше уже метафизически понимал, что новоевропейская “механическая экономика”, сплошной машинообразный расчет всякого действия и планирования в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно и для любых целей. Требуется человечество, которое в самой своей основе соразмерно уникальному существу новоевропейской техники и ее метафизической истине, то есть которое дает существу техники целиком овладеть собою, чтобы так непосредственно самому направлять и использовать все отдельные процессы и возможности».

2.2. Касавин И. Т. *Введение. Об эмпирической базе исследований социальных технологий: типологические соображения // Наука и социальные технологии. М.: ИФ РАН, 2011. С. 3–8.*

«Перед читателем – первый результат коллективных исследований по проекту «Гуманитарное знание и социальные технологии». Авторы предлагаемой книги в основном исходят из *рабочей дефиниции социальных технологий (СТ)* как коммуникационно-деятельностной формы проявления социального субъекта на уровне организационной, управленческой и социально-проектировочной деятельности, в аспекте социального конструирования знания и реальности, основанного на социальных и гуманитарных науках. СТ рассматривается как интегральное понятие человеческой активности, континуум которой задается полюсами: «формируемое-стихийное», «труд-рекреация», «профессиональное-дилетантское», т. е. охватывает и профессиональную *деятельность управления социальными процессами, группами и отдельными индивидами и стихийную активность дилетантов в рамках свободного времени.*

1. Субъект СТ: социальный институт – личность

Общество представляет собой совокупность естественных ассоциаций людей (классов, наций, конфессий, сословий), искусственных образований (социальных институтов) и множества отдельных личностей. При этом различие естественного и искусственного не имеет абсолютного характера. Церкви, секты, профессии, кланы, сословия возникают и исчезают в ходе истории как стихийным, так и вполне целенаправленным образом. Однако применительно к СТ это различие имеет смысл, поскольку только в случае социальных институтов и отдельных личностей можно говорить о целенаправленной деятельности. Два существенно различных вида СТ образуют, поэтому, СТ в рамках социальных институтов (организационные технологии) и СТ как практика отдельной личности (креативные технологии). Если технологии менеджмента (в широком смысле) достаточно хорошо известны применительно к политическим, экономическим, научным, религиозным и культурным институтам, то квалификация «креативных технологий» как специфических СТ еще не вошла в научный оборот. Однако для этого есть немало оснований. Деятельность выдающихся писателей (масштаба Шекспира., Гете или Толстого), создающих канонические тексты, не только закладывает основы литературного языка, но и канализирует определенные общественные настроения, формирует мировоззрение и тем самым побуждает людей к определенной деятельности. Возможности отдельной личности продемонстрировал Эмиль Золя применительно к делу Дрейфуса; Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн в борьбе против атомной бомбы; Ральф Нейдер в защите прав американских потребителей против Джeneral Моторс и Майкрософт; Алексей Навальный в своих критических выступлениях против Транснефти, ВТБ и пр. Это люди, которых практикуемая ими СТ превратила из отдельных личностей в целый социальный институт.

2. Когнитивная база СТ: наука – вненаучное знание

Различие профессиональных, целенаправленных и стихийно формирующихся СТ весьма важно, хотя и не имеет абсолютного значения, поскольку и отличие социальной деятельности вообще от деятельности на основе СТ является исторически обусловленным. Выемка грунта с помощью кирки и лопаты еще в прошлом веке могла считаться технологией, но сегодня таковой является только использование специальных машин (экскаватора, бульдозера, траншекопателя и пр.). Аналогично особенность современных СТ состоит в том, что они в основном развиваются на базе использования методов и результатов социально-гуманитарных наук. Однако науки данного типа еще не достигли той

степени зрелости, которая характеризует точные и естественные науки. Поэтому в формировании когнитивной базы СТ продолжается конкуренция научных и вненаучных типов знания (мифа, магии, религии, ценностного сознания, искусства, повседневного опыта). В некотором смысле СТ вытекают из самой природы человека: его психосоматики, языка, когнитивных способностей, знания, убеждения, привычек и традиций.

Сегодня нет ясности в том, может ли данная конкуренция науки и вненаучного знания вообще когда-либо разрешиться окончательной победой первой из них. Книгопечатание, возникнув свыше пяти столетий тому назад как синтез технического знания, естественных и гуманитарных наук, по-прежнему остается одной из мощнейших СТ. Сознвая это обстоятельство, В.И. Ульянов-Ленин все же недаром в свое время заявил, что важнейшим из всех искусств для большевиков является кино. Речь шла не об эстетических достоинствах кинематографа, а о его способности (до сих пор почти непревзойденной) влиять на массовое сознание. Формируемый с помощью СМИ образ политика («харизма») – типичный пример использования мифо-магических политтехнологий. Технологизацию (рационализацию) ценностного сознания представляется собой такой вид СТ как социогуманитарная экспертиза.

3. Характер воздействия СТ: применение методов – применение результатов

Современная профессиональная деятельность в рамках СТ связана с социальными науками: психотерапевтическая помощь, социологические опросы, судебный процесс, практики языкового перевода, консультирования, менеджмента. Однако в России главным заказчиком СТ является государство, чему есть определенные исторические причины.

Еще Платон провозгласил идеал общественного устройства как «правление мудрых» и описал, каким образом знание «философами» биологической и социальной природы человека могло бы лечь в основу рационального способа социального управления. «Об уме правителя первым делом судят по тому, каких людей он к себе приближает», – утверждал Н. Макиавелли, имея в виду необходимую учёность советников. Во времена СССР строительство коммунизма декларировалось как практическое приложение марксистско-ленинской социальной науки – главной научной парадигмы. В современном государстве при подготовке и принятии политических решений, законодательных актов также широко используются результаты работы научно-исследовательских учреждений. В данном случае речь идет о том, что современная рациональная организа-

ция совместного социального действия должна с необходимостью учитывать знания, вырабатываемые социально-гуманитарными науками. Организационное действие по определению коммуникативно, поскольку призвано обеспечить соразмерность интересов, дискурсов и картин мира вовлеченных субъектов, если их общение имеет добровольную основу. Рациональность действия в данном случае выражает то, что оно не стихийно, базируется на знании и достижении баланса между проективностью и контекстуальностью. Способом использования знания в рамках СТ является коммуникативный дискурс, в котором участвуют специалисты-теоретики и специалисты-практики, а также представители широких групп населения, заинтересованных в результатах данных СТ.

К примеру, на разных стадиях развертывания электоральных СТ рабочая группа должна варьировать процент теоретиков, аналитиков, исследователей, с одной, стороны, и социальных проектировщиков, менеджеров, практиков, с другой. Вероятно, количество специалистов первого типа преобладает в начальном периоде организации выборов, снижается к моменту голосования и вновь возрастает на этапе подведения итогов, их анализа, разъяснения и легитимации. Соответственно, происходит дрейф от фундаментальных исследований при обосновании самой цели выборов к прикладным исследованиям при проектировании конкретной электоральной технологии и, далее, к практическим разработкам по мере приближения даты выборов, чтобы дискурс вновь приобрел черты научного анализа к моменту вступления в должность новых народных избранников.

Социально-гуманитарные науки могут осуществлять социально-технологическое воздействие на социум в целом и на отдельных индивидов также благодаря практикуемым ими методам исследования. Исследовательские интервью, анкетирование или методы фокус-группы служат не только получению социологического знания, но оказывают существенное воздействие на осознание респондентом социальной ситуации. Методы психотерапии не только позволяют исследовать особенности психопатологии личностных изменений, но и целенаправленно влиять на психическое состояние пациента. Этнографические исследования примитивных племен вносят существенные новации в способы мышления аборигенов, представляя собой «мягкую» технологию приобщения к цивилизации. Экспедиции фольклористов не только дают информацию о народной культуре, но и являются способом активизации народного творчества.

Факты и ситуации СТ

Вот некоторые примеры тех болевых точек, где использование СТ, с одной стороны, идет полным ходом, в с другой – нередко оставляет желать лучшего.

Государственный сектор (права человека и государственные институты): «Громкие дела» и роль в них СТ (дело Ходорковского, реформа милиции, катастрофа в Японии).

Частный сектор (деятельность частных компаний, менеджмент): обсуждение банковских карт как средств платежа на высшем уровне (банковский бизнес, банковское право и СТ); инновационный бум (деятельность РОСНАНО, проект «Сколково», реформа РАН, Программа инновационной России).

СТ и современная СМИ-ФОЛОГИЯ «общества знания» (НБИК и их пропагандисты—М.В. Ковальчук, К.Г. Скрябин).

СТ как личностная реализация: Эмиль Золя, Ральф Нейдер и Алексей Навальный.

Нам представляется, что эмпирическую базу философского анализа СТ должны представлять результаты социологических, психологических, этнографических и лингвистических исследований видов взаимодействия социальных и индивидуальных субъектов в контексте соответствующих социальных институтов и более широкого окружения. На этой основе будет создана возможность рассмотрения интегральных типов СТ. Перечислим примеры таковых. Это, во-первых, аналитические СТ, обеспечивающие понимание и оценку социальной реальности: «консультирование», «экспертиза». Во-вторых, речь может идти о гомеостатических СТ, поддерживающих социальную стабильность: «мониторинг», «менеджмент». И, наконец, третьими, хотя и не последними, являются генеративные СТ, порождающие новую социальную реальность: «обучение», «социальное проектирование», «социальное конструирование». Есть основания полагать, что введенные тем самым различия могут с достаточной полнотой задавать перечень релевантных фактов и ситуаций для эмпирического исследования СТ.»

2.3. Стебаков Д.А. Особенности социально-гуманитарных технологий с точки зрения психологической науки и практики // Наука и социальные технологии. М.: ИФ РАН, 2011. С.115–126.

«Техника представляет собой «систематическую процедуру, посредством которой решается та или иная комплексная или научная задача».

Понятие техники иногда употребляется как синоним понятия методики. («При разных подходах к выделению методов психологических исследований критерием остается тот аспект его организации, который позволяет определиться в способах исследовательского отношения к изучаемой реальности. Тогда методики рассматриваются как процедуры или «техники» сбора данных, которые могут быть включены в разные структуры исследований».)

А понятие метода иногда соотносится с понятием технологии. («В рамках академической психологии, считающей прикладную психологию наукой, а не ремеслом или искусством, подчеркивается аналогия между методом и технологией (последняя называется методом прикладной психологии)».)

Психологические технологии – это «...операционализованный вид психологического знания, имеющий много общего с методическим знанием психологии, однако отличающийся от него по целевому назначению: если в методах психологи содержится преимущественно знание о том, как *получать* психологическое знание, то в психологических технологиях – о том, как его *применять для решения практических задач*».

Понятие «техника» и «технология» употребляется психологами как в отношении прикладной психологии, так и в отношении исследовательской практики...»

2.4. Игнатенко А.С. Социальные технологии и власть-знание // Наука и социальные технологии. М.: ИФ РАН, 2011. С. 127–138.

«Социальные технологии и сфера политического.

В дотехнологической реальности проблемой регулирования социальных процессов в существенной степени занята политическая власть. Логично предположить, что социальные технологии есть результат микрофизации политической власти. Тогда политической власти, достигшей уровня микрофизации, на котором она превращается в социальные технологии, свойственны те же характеристики, что и власти как технологии вообще.

И прежде всего для нее характерно расщепление субъекта властных отношений. Политическая власть на уровне, которому соответствуют социальные технологии, уже не может включать в себя столь крупный элемент, каким является отдельная личность: диктатура отдельной личности несовместима с высокотехнологическим уровнем общества. Любой

участник политических процессов инвестирует в тот процесс, в котором участвует, лишь одну из имеющихся у него функций. При этом он должен соответствовать стандартам личности технологической реальности, а это значит, что длительное существование в политической реальности, тем более на сходных ролях, неприемлемо. Мир высоких технологий подразумевает высокую скорость смены элит. В идеале, при достижении обществом определенного уровня технологического развития государство в его политических функциях угаснет, поскольку общество обретет способность саморегуляции. Таким образом, социальные технологии являются неким переходным явлением между дотехнологическим и технологическим обществами. Понятно, что отомрут они не в результате политической борьбы (политическая борьба сама как раз и есть социальная технология, и чем более продвинутым в технологическом плане является общество, тем больше политическая борьба вырождается в ее имитацию в политический спектакль), а естественным образом, поскольку никто не захочет инвестировать свои функции в их процессы: это окажется попросту никому не интересно.

Политические технологии как часть социальных технологий. Но если политическая власть, срашиваясь со знанием, трансформируется в социальные технологии, то какая роль отводится и этой новой технологической реальности собственно политическим технологиям, о которых нам тоже хорошо известно? В предыдущем абзаце упоминались политические спектакли, которые вынуждены разыгрывать рудиментарные политические структуры, дабы продлить иллюзию наличия политической борьбы и политической реальности вообще. Политические технологии— это та часть социальных технологий, которая непосредственно связана с постановкой подобных спектаклей.

У политической власти в обществе, находящемся в фазе перехода от дотехнологического к технологическому уровню, крайне двусмысленная позиция, полная горькой иронии. Какие-то аспекты социального бытия уже принадлежат технологическому обществу, в которой доминируют принципы саморегуляции и самоконтроля: они не нуждаются в государстве, являющемся в дотехнологическом обществе исполнителем этих функций. Но какая-то часть этого общества еще продолжает пребывать в дотехнологическом состоянии. Усугубляет ситуацию и неоднородность технологического развития человечества: технологически продвинутые общества окружены технологически отсталыми, характеризующимися совершенно иным обустройством своего существования, более архаич-

ными социально-политическими и экономическими практиками. И чтобы взаимодействовать с ними даже обществу, вошедшему в технологическую фазу своего развития, приходится сохранять во всех остальных отношениях избыточные, ненужные ему политические структуры, к которым принадлежит и армия.

Короче, с крупными государственными образованиями и соответствующей им политической машиной, включающей определенные механизмы легитимного назначения конкретных лиц на ключевые посты, мирятся как с неизбежным злом. Нелюбовь технологически продвинутых обществ к государственной власти есть такое же естественное положение вещей, как почитание и даже обожествление верховной власти в архаичных социумах. Верховная власть находится под неусыпным контролем со стороны активного и самостоятельного общества, постоянно тестирующего ее на предмет возможности лишиться очередной функции, подвергнув ее дисперсии, распределив в социуме. Верховной (политической) власти приходится постоянно доказывать собственную необходимость, и делать это она может двумя способами. Первый, честный, – это повышать собственную реальную эффективность, принося реальную пользу обществу; второй, который становится возможным и даже необходимым благодаря низкому культурному уровню существенной части составляющих данное общество индивидов, – политические технологии, в которых в свою очередь выделяют грязные технологии, что, однако, не означает, что существуют чистые. В принципе, всякая политическая технология – это манипуляция. Так что чистых политтехнологий не существует.

Нужно, тем не менее, понимать, что политические технологии существуют в той мере, в какой цель оправдывает средства. Цель – совершение легитимизирующего власть ритуала, которым являются выборы. Государство вынуждено делать все, что в его силах, в том числе играть на самых низменных струнах душ своих граждан, чтобы добиться репрезентативной явки. Можно искусственно создать оппозицию, чтобы потом ее эффектно победить, можно начать войну с внешним или внутренним врагом – главное, чтобы избиратель ощущал угрозу. Тогда приходится мобилизоваться. Разумеется, негативный мотив неплохо бы усилить позитивным: война против тоталитаризма, вооруженного химическим оружием, в Ираке также реала цивилизаторскую задачу экспорта демократии; разгон «несогласных», которые представляются как агенты влияния США, необходимо дополнить позитивной рекламой нацпроектов; лозунг «голосуй, или проиграешь!» пугает возвратом к коммунистическому прошлому и одновременно

соблазняет будущим материальным выигрышем в условиях свободного рынка. Короче, когда большинство в обществе неспособно на более или менее тонкую аналитическую работу, в ход идут политические технологии в проверенным принципом кнута и пряником.

Но, отдавая дань Мишелю Фуко, следует заметить, что всякая власть содержит в себе стимулы к самоорганизации личности и обретению свободы от данной власти. Социальные технологии, загоняя нас в виртуальные дисциплинарные пространства изолированных друг от друга обществ, одновременно провоцируют на нарушение условных границ этих пространств; примитивные маневры самой неприглядной части социальных технологий – технологий политических – тестируют наше сознание на способность к интеллектуальному и нравственному росту, повышая сопротивляемость к приемам манипуляции, предлагая пищу аналитическим процедурам нашей ментальной сферы и в конце концов приводя к повышению степени дифференциации и автономности структуры нашей души, одновременно поощряя ее на участие во все большем количестве тонких и динамичных отношений.»

2.5. Горохов В.Г. Понятие «технология» в философии техники и особенность социально-гуманитарных технологий // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 28. №2. С. 110–123.

«Исследуется эволюция понятия технологии в философии техники и его применимость для исследования социально-гуманитарных технологий. Указывается, что частная технология рассматривает каждое техническое ремесло отдельно, а общин технология рассматривает различные производства в технических ремеслах по их одинаковому назначению (И. Бехманн). Анализируется идея развития праксиологии А. Эспинаса, а также оценка технологии как деятельностной стороны техники (А. Грунвальд). Приводятся доводы, подтверждающие, что деятельностный подход к определению понятия «технология» оказывается наиболее конструктивным.

Ключевые слова: общая и частная технология, техника, праксеология, артефакт, процедурная сторона техники.

В недавно вышедшей статье Карла Митчама и Эрика Шатцберга «Определение технологии и технических наук»¹ рассматривается эво-

¹ Mitcham C., Schatzberg E. Defining Technology and the Technological Sciences // Philosophy of Technology and Engineering Sciences ; ed. by A. Meijers (Handbook of the Philosophy of Sciences. Vol. 9). Amsterdam (The Netherlands) : Elsevier B.V., 2009.

люция понятия «технология» и его соотношения с понятиями техники, инженерии, науки и технических наук. Как правильно отмечают авторы, главная проблема определения понятия «технология» заключена в проблеме его различного перевода на разные языки. В большинстве европейских языков в основе этого понятия лежат латинские слова «technica» и «technologia», которые переводятся в зависимости от этимологии этих слов. В английском языке слово «technology» употребляется как синоним дискурса о практических, материальных искусствах, «technique» применяется для обозначения реальных процессов и методов этих видов деятельности. Во время Второй мировой войны оба термина, однако, переводились как «technology», что затушевывало данное различие. Позже доминирующим термином, по их мнению, можно считать слово «technique», которое на русский язык передается обычно словом «техника». Впрочем, английский термин «technology» также часто по-русски обозначают термином «техника». Термин же «технология» чаще всего использовался в повседневной жизни как обозначение технологических процессов на производстве с целью подчеркнуть процедурный характер этого понятия в отличие от субстанционального смысла понятия «техника» (понимая под техникой различные технические устройства, необходимые для реализации данного процесса). В то же время слово «техника» часто используется в русском языке и для обозначения процедурной стороны любой деятельности, если говорят о технике живописи, технике пианиста, певца, плотника и т.п. Авторы обсуждаемой статьи пытаются в понятии «technology» объять оба эти дискурса, но стремятся всякий раз, когда это возможно, подчеркнуть их различие. С этой целью они анализируют разные подходы к определению понятия «технология», а именно: этимологический подход, который ориентирован на анализ возникновения термина; исследование вещей самих по себе с целью произвести сущностное определение или понятие; директивный подход, дающий инструкции или предписания в императивной форме о том, как слово должно использоваться; лингвистический подход, фокусирующий внимание скорее на словах, чем вещах; и, наконец, обзор различных определений, из которого выводится одно².

² "Согласно первому, этимологическому подходу, понятие технологии восходит к греко-санскритскому корню tekhn-, означаемому столярные работы, плотничное дело. Однако лейтмотивом истории философии стал призыв обратиться от слов к вещам самим по себе, что и является сутью следующего подхода к анализу технологии. Технология в этом случае рассматривается как человеческая деятельность (родовое понятие), включающая в себя

Итак, *техника* часто рассматривается как совокупность артефактов (от примитивных орудий до сложных технических систем), а *технология* в широком смысле этого слова — как совокупность различных видов технической (в том числе инженерной) деятельности, т.е. организация технической работы. Это в сущности два основных способа рассмотрения техники как объекта деятельности (*предметная сторона техники*) и как процесса человеческой деятельности (*процедурная сторона техники*). Процесс реализации техники состоит, однако, не только в ее разработке и создании на производстве, но также и в ее внедрении в повседневную общественную жизнь, т.е. включает в себя:

- развитие техники в качестве мыслительной конструкции (открытие и изобретение, а также исследование, разработка и проектирование новых техники и технологии);
- материализацию техники (конструирование и внедрение);
- социализацию техники – воплощение в хозяйственных и социальных структурах (менеджмент и маркетинг);
- применение и использование техники (организацию ее эксплуатации и обслуживание функционирования, в том числе ремонта и замены вышедших из строя частей);

систематическое изготовление и использование артефактов (видовое определение). Именно так определяет технологию Аристотель. Однако при такого рода определениях всегда возникает вопрос, что же в действительности детерминирует отличительные признаки данного понятия – реальность или же удобство обычного словоупотребления. Если техника или технология определяется как прикладная наука, это зачастую выражает внутреннюю структуру данного явления, например термодинамика как техническая наука следует за открытием определенного вида техники, в данном случае парового двигателя.

Предписывающие определения проявляются прежде всего в различных исторических и социальных контекстах. Известный американский экономист Торстейн Веблен, например, перенесший германские дискуссии о социальном влиянии техники на североамериканскую почву, заменил более общеупотребительный тогда термин «*industrial arts*» (промышленные искусства) на «*technology*» (техника, технология), чтобы подчеркнуть историческую силу и научные ассоциации, связанные с развитием механизированных форм производства. В рамках лингвистического подхода, развиваемого в различных словарях и энциклопедиях, в начале XX в. технология выступает в качестве научного изучения практических или промышленных искусств, а после Второй мировой войны дается более дифференцированное различие, например высоких технологий, технологического трансфера и оценки техники.

При обзоре же различных определений данного понятия, как правило, не дается удовлетворительных критериев для их сравнения и отличия «плохих» от «хороших». Далее авторы погружаются в раннюю концептуальную историю понятия технологии и рассматривают этимологию этого понятия.

– «потребление» (ее изнашивание, приводящее к выходу из строя) и ликвидацию техники, отработавшей свой срок службы.

Последние три этапа развития техники часто выпадают из рассмотрения инженеров и техников, поскольку относятся, по их мнению, не к собственно технической, а к экономической и социальной сферам. Однако в последнее время ситуация существенно меняется. Оказывается, что воплощение техники в хозяйственных и социальных структурах подчас важнее и сложнее ее разработки, конструирования и внедрения. Ученые и инженеры все чаще сами становятся менеджерами, чтобы распространить собственное изобретение, сделать его достоянием рынка и повседневной жизни. Поэтому, когда говорят о социально-гуманитарных технологиях, часто делают акцент на противопоставлении их «технической технологии» как пооперационного описания производственной деятельности. При этом под социально-гуманитарной технологией подразумевается «психотехника» манипуляции человеческой мыслительной деятельностью с целью достижения определенных, в том числе негативных, целей. Однако это слишком узкое понимание исключает из рассмотрения, например, анализ процессов социализации новой техники или устранения побочных социальных последствий ее внедрения. Сегодня все чаще говорят о необходимости разработки превентивных мер, устраняющих или уменьшающих такие негативные последствия еще на самых ранних стадиях технических разработок. Таким образом, расширение понимания технической деятельности приводит и к сдвигу в понимании технологии, включающей в себя обязательно социально-гуманитарные компоненты. Все сказанное выше делает необходимым историческое исследование эволюции понятия «технология» в философии техники с целью вычленения и более четкого определения социально-гуманитарного аспекта технологии проектирования социотехнических систем.

Это тем более важно, что точно «так же, как сегодняшний смысл понятия «technology» в современном английском языке не совпадает со смыслом понятия «Technologie» в немецком языке, оно не соответствует и его пониманию в Англии XIX века»³. Слова английского языка «technics», «technique» и «technoloby» имеют источником греческий термин «технэ», обычно переводимый как «искусство», «ремесло» или «мастерство». По-русски раньше ему соответствовало слово «хитрость», а изобретательный человек назывался «хитрец». Например, Татищев в со-

³ Mitcham C., Shatzberg E. Op. cit. P. 32.

чинении «О пользе науки и училищах» писал: «И которые люди острый смысл имеют, те способны... в ремеслах... особливо же в механике к всяким хитрым вымыслам...»⁴. То же можно сказать и о немецких словах «Technik/Technologie», и о французских терминах «technique/technologie», и о русских — «техника/технология». Все они имеют общий индоевропейский корень. По латыни этот термин восходит к понятиям «ткать, плести» и «покрывать», хотя в популярной литературе переводится обычно как «искусство» («ars», по-английски — «art»), мастерство в деле, лании чего-нибудь в специфическом ремесле, практический опыт, сноровка различного рода⁵.

1. Определение понятия технологии в истории философии техники.

Одним из первых понятие технологии попытался уточнить и философски осмыслить германский ученый, профессор Геттингенского университета *Иоганн Бекманн* (1739 – 1811), который после формулировки им в 1772 г. понятий частной и общей технологии с 1783 по 1793 г. читал в этом университете лекции по технологии. В 1777 г. он выпустил книгу «Введение в технологию, или О знании цехов, фабрик и мануфактур...»⁶, а в 1806 – «Набросок общей технологии»⁷.

Бекманн определяет технологию как науку, которая учит переработке естественных предметов или знаниям ремесла, давая этим действиям и знаниям, необходимым для дальнейшего развития производства, научное основание. Он ставит проблему переработать технологическую терминологию философски или систематически. Бекманн рассматривает технологию прежде всего как самостоятельную науку, область исследования которой – материально-техническая сторона процесса производства, отделяя технологию от камералистики (науки об управлении государственными доходами) и науки о хозяйстве.

С развитием промышленности возникает множество цехов, фабрик и мануфактур и еще больше работ, инструментов, материалов и товаров. Появляется необходимость во вспомогательных науках, число которых все возрастает. Для изучения всего этого многообразия есть два источника – действие ремесленника и книги, в которых эти искусства уже описа-

⁴ Татищев В.Н. Избранные произведения Л., 1979. С. 57.

⁵ Mitcham C., Shatzberg E. Op. cit. P. 32. См. также: Шадевальд В. Понятия «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ. М., 1979.

⁶ Beckmann J. Anleitung zur Technologie oder zur Kenntniss der Handwerke, Fabriken und Manufakturen... Goettingen, 1870.

⁷ Beckmann J. Entwurf der allgemeinen Technologie // J. Beckmann. Vorrath Kleiner Anmerkungen ueber machinery gelehrte Gegenstaende. Goettingen, 1806.

ны. Бекманн пытается систематизировать на научной основе работы цехов и фабрик, чтобы облегчить их изучение.

В «Наброске общей технологии» (Allgemeine Technologie) он сравнивает различные виды работ через отношения цель – средство, для чего необходимо составить список целей, преследуемых ремесленниками при осуществлении различных работ, и список средств, с помощью которых они выполняют каждую из этих работ. «Технология, по Бекманну, дает систематическое упорядочение и фундаментальное введение, а также научное обоснование действиям и знаниям, необходимым для дальнейшего развития производства. Бекманн наконец ставит проблему “переработать технологическую терминологию философски или систематически”»⁸.

Иоганн Генрих Мориц Понне (1776 – 1854), часовщик, затем преподаватель физики и математики в гимназии, а с 1818 г. – профессор Тюбингенского университета, был учеником Бекманна, развивавшим его идеи и учение. В 1821 г. был опубликован его главный труд: «Пространное руководство к общей технологии или к познанию всех работ, средств, орудий и машин, употребляемых в разных технических искусствах» (М., 1928). В книге дается определение технологии как науки о ремеслах, имеющей предметом описание и объяснение производств, инструментов, машин и орудий, употребляемых при обработке грубых материалов в разных ремесленных заведениях, на фабриках и заводах. Автор приводит устройство заводов и машин, объясняет образ действия, исчисляет разные инструменты и их употребление при различных производствах, показывает, из какого материала то или иное изделие приготовлено и т.д. *Частная технология* рассматривает каждое техническое ремесло отдельно. *Общая технология* рассматривает различные производства в технических ремеслах по их одинаковому назначению.

Эрнст Гартиг (1836–1900) – известный технолог, многолетний член Германского патентамта, профессор механической технологии Дрезденского политехникума, а затем первый ректор Дрезденской высшей технической школы (с 1890) – «отстаивал надобность в логической чистке тех понятий и отношений между ними, которые возникли в технике чисто эмпирическим путем»⁹. Видимо, в результате своих размышлений, связанных с патентной деятельностью, он ратовал за создание новой

⁸ Banse G., Wollgast S. Biographien bedeutender Techniker. Berlin, 1987. S. 97.

⁹ Энгельмейер П.К. Эврология, или Общая теория творчества. Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1916. Т. 7. С. 101.

науки «технологии», направленной на логическую разработку технического материала. Если обычная логика признает только одну форму подчинения по степени общности и отвлеченности, то «технологика» наряду с этим признает и другую форму. «По мнению Гартига, мы имеем одно из своеобразных технологических подчинений между понятием данного способа производства и понятием тех орудий, которые служат для осуществления этого способа. Таким образом, по Гартигу, понятие кузнечнойковки является высшим и подчиняющим по отношению к понятиям молоток, наковальня, горн»¹⁰. П.К. Энгельмейер считает такое «технологическое подчинение» в сущности телеологическим. Фактически Гартиг стал продолжателем идей Бекманна и Поппе об общей технологии.

Таким образом, технологическая ступень обобщения связана с необходимостью сопоставления разных родственных производств с целью определения общих методов и приемов. К этому уровню обобщения и относится технология Бекманна и его последователей, охватывающая множество родственных видов технической деятельности, из которых вычленяются общие мероприятия, методы и принципы. Но эта более высокая ступень обобщения все же не выходит за пределы техники как таковой. Однако если первая ступень является обобщением «практика для практики», то вторая, связанная с вычленением «общей технологии», становится теоретическим обобщением, необходимым, однако, также лишь для расширения самой технической практики. Здесь обобщение также не выходит за пределы чисто технического предмета. «На это пути теперь предвидится надобность выработать новую науку: технологию технологий, т.е. такое извлечение из самых различных (и даже из всех) современных, таких общих им всем приемов, методов, мероприятий, правил и предписаний для наиболее успешного проведения в жизнь данного технического труда, которое даст в результате небольшое число основных принципов технического труда на всех поприщах производительной работы человека»¹¹ Таким образом, уже на первых этапах становления философии техники ставится вопрос о том, чтобы сформулировать понятие технологии в предельно общем виде, как методологии любой человеческой деятельности.

По мнению российского философа техники *П.К. Энгельмейера*, это возможно сделать на философском уровне обобщения технической прак-

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Энгельмейер П.К. Нужна ли нам философия техники? // Инженерный труд. 1929. № 2. С. 36–37.

тики: «Теория изобретательства произвольно расширяется до общей теории человеческой деятельности, которую я еще в 1909 г. предложил назвать эврологией»¹². «Не ограничение эврологии какой-либо одной областью изобретательства, а расширение, насколько это возможно, открывает путь к построению единой общей теории человеческого творчества»¹³. Тогда эврология становится *общей теорией деятельности*.

Французский социолог и философ техники *Альфред Эспинас* еще в конце XIX в. в серии статей «Возникновение технологии», помещенных в разных философских журналах (см. например: *Les origines de la Technologie*. 1894) формулирует идею развития особой науки о самых общих формах и самых высших принципах действия всех живых существ, которую он назвал праксеологией, и общей технологии как науки о совокупности практических правил искусства И техники, развивающихся в зрелых человеческих обществах на определенных ступенях развития цивилизации. «Эспинас прямо заявляет, что говорит о полезных искусствах. Технологией он называет некоторое будущее учение об этих искусствах, которое выделит их основной характер исторически и потом даст возможность извлечь основные законы человеческой практики в некоторую «общую праксеологию». Таким путем составитя новое учение о человеческой деятельности, которое станет рядом с учением о познании, столь многосторонне разработанным, и тем самым заполнит пробел, – отсутствие “философии действия”»¹⁴.

Эспинас подчеркивает, что ни одно изобретение не может родиться в пустоте; человек может усовершенствовать свой способ действия, только видоизменяя средства, которыми он уже предварительно обладал. Не бессознательная практика, а лишь зрелые искусства порождают технологию. Каждое из таких искусств предполагает специальную технологию, а совокупность этих частных наук (т.е. этих технологий), естественно, образует общую, систематическую технологию. Вот эту-то общую технологию Эспинас и именует праксеологией.

По мысли Эспинаса, технология затрагивает три точки зрения, с которых можно рассматривать технику.

Во-первых, можно производить аналитическое описание ремесел в том виде, в каком они существуют в данный момент и в данном обще-

¹² Энгельмейер П.К. Эврология, или Общая теория творчества. Т. 5. С. 131–160; 1916. Т. 7. С. 76–108.

¹³ Engelmeyer P.K. *Erfindungslehre (Neurologie) // Technik und Kultur*, 1928. Н.9. С. 141.

¹⁴ Лапшин И.И. *Философия изобретения и изобретение в философии*. М., 1999. С. 328.

стве, и затем сводить их с помощью систематической классификации к немногим типам. «Социолог работает здесь как ботаник или зоолог; характер постоянства, который приобретают искусства и ремесла под влиянием традиции, позволяет ему изучать их, как мы изучаем органы и инстинкты живых существ». Это соответствует статической точке зрения на технику, в результате чего сформировалась морфология технологии.

Во-вторых, можно исследовать, при каких условиях и в силу каких законов устанавливается каждая группа правил, каким причинам они обязаны своей практической деятельностью. Это динамическая точка зрения на технику, результат которой – физиология технологии. «Органы социальной воли имеют свою физиологию, как и органы воли индивидуальной».

Наконец, в-третьих, комбинация динамической и статической точек зрения дает возможность изучать зарождение, апогей и упадок каждого из этих органов в данном обществе или даже эволюцию всей техники человечества, начиная от самых простых форм и кончая самыми сложными, в чередовании традиций и изобретений, которое составляет ритм этой эволюции. «Совокупность этих трех родов исследования образует общую технологию».

По мнению Эспинаса, технология в области действия занимает место логики в области знания, так как последняя рассматривает и классифицирует различные науки, устанавливает их условия или законы и воспроизводит их развитие и историю, а сами науки суть такие же социальные явления, как и искусства (только мы сегодня сказали бы вместо логики науковедение). Поскольку предмет исследования Эспинаса – история технологии, то это одновременно означает и историю философии действия, т.е. наблюдение за тем, как философия действия следует за развитием индустрии и техники. Основные категории действия – желать, опасаться, начинать, кончать, пробовать, достигать, терпеть неудачу.

Анализируя тексты древнегреческих авторов, Эспинас демонстрирует важные изменения в эллинской культуре VII – V вв. до н.э., связанные с появлением искусства (тесно слитого в это время с техникой): «Понятие об искусстве... начинает появляться вместе с понятием о совокупности передаваемых правил. Отношения человека и божества меняются; вместо того чтобы пассивно покоряться решениям Юпитера или пользоваться ими без усилий, человек располагает известными средствами, чтобы улучшить свое положение, и отчасти сотрудничает с богами в их благодеяниях. Но на этом и останавливается его могущество: он не создает искусства, он сам ничего не изобретает. Это утверждает Гезиод, хотя он и

приписывает человеческой инициативе большую роль, чем Гомер». Законы устанавливает не человек, а боги, но их повеления уже не основаны на произволе. Боги, полубоги и герои обучают людей началам искусств. Практические навыки (технэ) определены и предписаны богами и потому считаются божественными законами. Но не сверхъестественными. Напротив, именно в силу своего божественного происхождения они образуют часть нашей природы и природы вообще. Они как бы вечны и никогда не изменялись. «Итак с самого начала и совершенно определенно отмечена основная черта философии действия: индивидуальное практическое сознание не имеет закона в самом себе». Законы и обычаи как выражение божественной воли не представлялись принуждением, но помощью и поддержкой, инструментом. И хотя практическое предписание было ясно, исход самого события (действия) оставался неизвестным. Надо было лишь как можно более точно придерживаться этих предписаний. Результат своего анализа Эспинас заключает следующим образом. «Итак, вся техника этой эпохи имела один и тот же характер. Она была религиозной, традиционной и местной». Весь этот период, по его мнению, характеризуется физико-теологической технологией. В следующий за ним период, характеризующийся сменой традиционалистского режима олигархии тиранией, техника становится утилитарной, искусственной и светской, сознательной фабрикацией, «техникой орудия». «Человек, изобретатель искусств, осознает роль мышления и опыта в изобретении: роль богов уменьшается. Благодаря разделению труда и специализации работников технические приемы улучшаются, и улучшения не только не вызывают осуждения, но и становятся предметом восхищения»¹⁵.

В греческой философской традиции, как отмечал Митчам¹⁶, понятие «технэ» используется для обозначения не только определённой деятельности, но и знания особого рода. В диалоге Платона «Горгий», например, Сократ утверждает, что технэ включает в себя логос (слова, речь, доводы). Кроме того, Сократ различает два типа технэ: первое из них требует минимального рассуждения и связано преимущественно с физической работой (скажем, как живопись или скульптура), а второе, напротив, требует минимальных физических усилий и тесно связано с рассуждениями (арифметика, логика, астрономия и т.п.). Такие же виды деятельности, как приготовление пищи или убеждение, обозначаются как нетехниче-

¹⁵ Роль орудий в развитии человечества. М., 1925. С. 137, 145, 166.

¹⁶ Mitcham C. Thinking Through Technology: The Path Between Engineering and Philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

ские, связаны больше с рутинной деятельностью и сноровкой и основаны на простом опыте (эмпирии). В диалоге «Ион» поэт, который творит посредством божественного вдохновения, также лишен технэ. Ранний Платон причисляет технэ к таким видам человеческой деятельности, которые могут быть истолкованы ли о которых можно рассуждать. В противоположность тому, что обычно приписывают Платону, т.е. взгляду свысока на технэ, это прочтение придает технэ неутилитарное, но и не трансгуманное (сверхчеловеческое) измерение. Поздний Платон артикулирует отличное, но соотносимое с этим пониманием технэ. В диалоге «Филеб», например, знание разделяется на то, что включает в себя обучение или воспитание, и то, что связано с деланием или производством. Второе является техническим знанием и опять разделяется на два рода: первый род (например, музыка, медицина и сельское хозяйство), направляемый догадками и интуицией, основан на простой практике и опыте, второй (как плотницкое ремесло) – сознательно привлекает к использованию вычисления, измерения, взвешивания. Именно этот второй тип знания, требующий точности, и получает обозначение «технэ» в первичном виде. Таким образом, технэ отличается от всех других видов человеческой деятельности и знания политического типа (обучения и в широком смысле понимаемого искусного управления государственными делами) и в большей степени ассоциируется с видами деятельности, связанными с физической работой и производством, в особенности если они включают в себя определенную количественную прецизность (истинное технэ). Аристотель в «Метафизике» толкует технэ как одну из форм вхождения в контакт с реальностью, направленного от чувства через опыт к теории¹⁷. Такое определение технэ сближает его по смыслу с широко понимаемой технологией любой практической деятельности.

Из приведенного анализа взглядов на технологию даже на ранних этапах развития общества отчетливо видно, что речь идет о социальных технологиях, поскольку орудийная человеческая деятельность и деятельность по созданию самих этих орудий всегда должны рассматриваться в определенном социальном контексте, без которого они просто теряют смысл, как выброшенный на свалку мусор. Философия техники выходит за пределы технологии как определенной ступени обобщения техники, так же как технология в свое время вышла за пределы элементарной техники, т.е. ремесла, в сферу социотехники и связанной с ней социальной технологии.

¹⁷ Mitcham C., Shatzberg E. Op. cit. P. 33–34.

2. Понимание технологии в современной философии техники

Технология как деятельностная сторона техники развивается и современными философами техники, в особенности в Германии. Например, *Гюнтер Рополь* в книге «Системная теория техники. Об основаниях общей технологии»¹⁸ основывается на работах Бекманна по общей технологии, призванной описывать общие процессы технической и технологической деятельности. В современной философии техники особенно в связи с конкретными задачами оценки последствий научно-технического развития, также ставится задача формулировки *деятельностного подхода* к определению понятия «техника».

А. Грунвальд, например, критикуя традиционное сведение техники к артефактам, подчеркивает, что в этом случае из поля зрения выпадает целый пласт «технического», например мультимедийные техники, начинающие завоевывать все больше места в нашей повседневной жизни. Исходным же пунктом для анализа техники должна стать не субстанциональная ее сторона (артефакты), а процедурный аспект – способы, методы, т.е. «технология» деятельности, деятельностная сторона техники. Грунвальд понимает под техникой организованную в форме технических правил *схему деятельности* одна из главных черт которой – повторяемость, воспроизводимость, а центральное понятие – отношение цель-средство. Такое понимание техники как деятельности, причем коллективной предполагает наличие критической рефлексии этой деятельности, т.е. осознание ее истории современного состояния и перспектив развития, оценка возможных последствий и даже критика техники¹⁹. Таким образом, деятельностный подход к определению понятия «технология» оказывается наиболее конструктивным.

Известный советский психолог Л.С. Выготский пишет в 1930 г. в тезисах «Инструментальный метод в психологии», что в поведении человека встречается целый ряд искусственных приспособлений, направленных на овладение собственными психическими процессами, которые по аналогии с техникой могут быть условно названы психологическими орудиями, или инструментами. В качестве примеров таких психологических

¹⁸ Ropohl G. Eine Systemtheorie der Technik. Zur Grundlegung der allgemeinen Technologie. Muenchen: Wien: Hanser, 1979.

¹⁹ Grunwald A. Das Technische und das Nicht-Technische. Eine grundlegende Unterscheidung und ihre kulturelle Bedeutung. In: Technikbilder und Technikkonzepte im Wandel-eine technikphilosophische und allgemeintechnische Analyse: Hrsg. von G. Banse, B. Meier, H. Wolffgramm. Wissenschaftliche Berichte FZKA 6697. Karlsruhe: Forschungszentrum Karlsruhe GmbH, 2002. S. 37–39.

орудий Выготский приводит язык, разнообразные математические (цифровые и алгебраические) формы, мнемотехнические приспособления, схемы, карты, чертежи, тексты и т.д., которые расширяют человеческие возможности и видоизменяют все протекание и структуру психических функций. Такая расширительная трактовка «орудия» в большей степени отвечает современному представлению «технического» как постоянно воспроизводимой схемы деятельности (т.е. по сути дела *социальной технологии*) и как рефлексивного понятия и социального конструкта. По Грунвальду, например, использование атрибута «техническое» подчеркивает инвариантность ситуации отношения цель-средство и возможность обучения и научения в соответствии с определенной схемой деятельности. Поэтому для определения границы между «техническим» и «нетехническим» важен социокультурный контекст, а не разграничение технических артефактов и несозданного, нерукотворного. В этом смысле в принципе все равно, идет ли речь о технологии создания, применения и уничтожения технических артефактов или же о технологии интервьюирования, интерпретации текстов, математического доказательства, актерской игры или других социальных «изобретениях» (где таких технических артефактов нет, но есть «психические орудия»), во всех этих случаях имеется в виду техническая деятельность, сфера «технического»²⁰, или, иначе говоря, технология деятельности.

В настоящее время много рассуждают о необходимости модернизации и ускоренного движения по пути инновационного развития общества как главного средства выживания в условиях глобальной конкуренции, делая в основном акцент на позитивных его аспектах. Возможные же негативные последствия отходят при этом на второй план или же вообще не рассматриваются, особенно в отечественной литературе. В западных же концепциях развития инновационных систем определяющим становится, особенно в последнее время, именно этот аспект, учитывая большую продвинутость западных стран в плане реализации научно-технических достижений в социальной сфере. Но для нас важен и позитивный опыт в развитии инновационной среды.

²⁰ Grunwald A.Op. cit. S. 40–47. По Выготскому, все же есть существенное отличие между техническим и психологическим орудием. Если первое как средний член между деятельностью человека и внешним объектом служит для того, чтобы вызвать изменения в этом объекте, то второе есть средство воздействия на самого себя или другого (на психику, поведение и т.п.) и ничего не меняет в объекте.

Сегодня все чаще раздаются голоса, что наука должна играть роль главного мотора социального развития. Подчеркивая необходимость получения от науки технологических применений, обычно забывают, что эти приложения только иногда становятся достоянием общества, когда воплощаются в определенных социальных структурах. Если мы хотим не только получить связанные с ними преимущества, но и избежать часто непредвиденных с точки зрения естественных и технических наук последствий, невозможно обойтись без *социально-гуманитарной экспертизы*. Сегодня следовало бы говорить о возрастающей роли социально-гуманитарных наук, чего, к сожалению, не наблюдается. И эта тенденция характерна не только для России. Поддержка инновационной деятельности понимается в сущности как поддержка технологических инноваций, хотя социальные инновации почти совсем не исследованы. «Например, в Германии огромные суммы инвестируются в улучшение автомобильных моторов, но лишь несколько сотен тысяч евро в решения, обещающие потенциально многократную экономию. В других частях мира этой проблематике уделяется значительно больше внимания. Ее значение подчеркивает тот факт, что на Шанхайской выставке 2010 г. Бремен стал одним из немногих немецких городов, получивших приглашение принять в ней участие, так как выступил с концепцией городской логистики, весьма заинтересовавшей китайцев идеей совместного пользования собственностью (автомобилем). В других областях наблюдается аналогичная ситуация. Скажем, использование огромного потенциала экономии энергии в области строительства зданий по энергосберегающим проектам в действительности является не технологическим, а социокультурным вызовом»²¹.

Экспериментальные объекты и процессы, воплощаясь в новых технологиях и в хозяйственных структурах, становятся частью социальной реальности и в этом качестве – объектами исследования социально-гуманитарных, а не естественных и технических наук. «Социальные науки с самого начала предназначались для формирования или даже изменения общества. В последние десятилетия многие социологи привлекались к обсуждению таких социальных и политических вопросов, как, например, дебаты по атомной энергетике, генетике или климатическим изменениям. Они действовали в качестве экспертов, консультантов, аналитиков, имеющих отношение к данной проблематике ученых, а иногда даже как истолкователи времени или пророки. Однако социологи должны

²¹ Schneidewind U. Nachhaltige Wissenschaft. Marburg: Metropolis Verlag, 2009.

были становиться практиками совсем в другом отношении: они организуют и управляют процессом участия граждан в принятии решений, в ходе которых эксперты и дилетанты – а также и сами специалисты в области общественных наук – обсуждают такие спорные вопросы, как, например, высвобождение генетически модифицированных организмов или выработка сценариев будущих технологий, как в случае с нанотехнологией»²².

Исходя из проведенного анализа эволюции понятия «технология» можно сделать следующие выводы.

Понятие «Технология» применимо к любому виду человеческой деятельности, а не только к специфической или, еще уже, производственной деятельности, как это часто делается на уровне обыденного сознания. В этом смысле технология – это представление процесса деятельности, в ходе которого ее исходный материал преобразуется в результат, продукт. Человек в начале своей деятельности должен иметь образ, модель не только объекта, включающую в себя представление об исходном материале деятельности и об ее результате, но и о технологии такого преобразования. Образы или модели объекта изменяются в ходе деятельности, а сама деятельность может быть представлена как последовательная смена моделей объекта. Это и есть технология деятельности в широком смысле.

Однако даже технологическая деятельность, техника и технология в узком смысле этого слова должны рассматриваться двояко: во-первых, с внутренней технической стороны (тогда мы говорим о технологии изобретения, разработки и изготовления продукта технической деятельности – технической системы) и, во-вторых, с внешней стороны, т.е. со стороны внедрения полученного результата в общественные структуры. В последнем случае мы должны говорить о социальных технологиях.

Всякая техника, как внедренный в общественные структуры социотехнический продукт, амбивалентна, т.е. имеет как желаемые, так и часто непредвиденные нежелательные последствия и влияния на социум. Анализ этих влияний и возможностей предотвращения или хотя бы уменьшения негативных последствий научно-технического прогресса также требует разработки особых социальных технологий.»

²² The Role of Social Sciences in Science Policy Making // Science, Technology & Innovation Studies. 2009. Vol. 5, №1. – www.sti-studies.de

2.6. Кара-Мурза С.Г. Власть манипуляции. М.: Академический Проект. 2009. С. 10–11, 13–14, 15–16, 26–28.

«...Наш предмет – простая и реально существующая вещь, ставшая неотъемлемой частью нашей жизни в культуре. Это манипуляция сознанием и поведением человека с помощью законных и поддающихся изучению средств. Она представляет собой технологию, которую используют согласно своим служебным обязанностям и за небольшую зарплату сотни тысяч профессиональных работников независимо от их личной нравственности, идеологии и художественных вкусов. Это та технология, которая проникает в каждый дом и от которой человек в принципе не может укрыться, но он может изучить ее инструменты и приемы, а значит, создать свои индивидуальные и коллективные «средства защиты».

Получение знания об инструментах и приемах манипуляции сознанием является правом человека в мало-мальски демократическом обществе. Систематизация и распространение этого знания является моральным долгом образованного человека и гражданина. Если такое знание станет доступным для достаточно большого числа людей, то станут возможны и совместные действия по защите против манипуляции, то есть более широкая реализация демократических прав и свобод человека...

Знание о том, как посредством манипуляции сознанием одни люди воздействуют на поведение других, накапливается и в науке, и в художественном творчестве, и в обыденном опыте. Наука, которая обязана изучать реальность беспристрастно и нейтрально, не давая никому моральных оценок, в основном описывает структуру самого процесса манипуляции, ее технику, ее приемы и системы приёмов. Это технологический подход» ...

...«Заложена в нас биологически программа поведения недостаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется программой, записанной в знаках культуры. И эта программа – коллективное произведение. Значит, наше поведение всегда находится под воздействием других людей, и защитить себя от этого воздействия каким-то жестким барьером мы в принципе не можем. Какой же вид воздействий мы определим как манипуляцию? ...

Само слово «манипуляция» имеет корнем латинское слово *manus* – рука (*manipulus* – пригоршня, горсть). В словарях европейских языков слово толкуется как обращение с объектами с определенной целью (например, ручное управление, освидетельствование пациента врачом с

помощью рук и т.д.). Имеется в виду, что для таких действий требуется ловкость и сноровка. В технике те приспособления для управления механизмами, которые как бы являются продолжением рук (рычаги, рукоятки), называются манипуляторами.

Отсюда произошло и современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление ил обработка». Изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на повеление других, не раскрывая характере поведения, которого он от них ожидает».

Одной из первых книг, прямо посвященных манипуляции сознанием, была книга социолога из ФРГ Герберта Франке «Манипулируемый человек» (1964). Он дает такое определение: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, в ущерб тем лицам, на которым оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама».

Подчеркнем два важнейших признака манипуляции сознанием как способа программирования поведения людей – ловкость и скрытность. Так, что человек даже не должен знать, какого именно поведения хочет достичь от него манипулятор. Эти признаки сразу резко ограничивают понимаемый как манипуляция набор способов управления...»...

...«Если выписать те определения, которые дают авторитетные исследователи манипуляции, то можно выделить ее главные, родовые признаки. Во-первых, это – вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилия). Мишенью действий манипулятора является дух, психические структуры человеческой личности.

Во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции. Один из ведущих специалистов по американским средствам массовой информации профессор Калифорнийского университета Г. Шиллер замечает: «Для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно. Короче говоря, для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой ее присутствие не будет ощущаться...»

В-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. Встречаются, конечно, талантливые само-

родки с мощной интуицией, способные к манипуляции сознанием с помощью доморощенных средств. На размах их действий невелик, ограничивается личным воздействием – в семье, в бригаде, в воинском коллективе или банде. Если же речь идет об общественном сознании, о политике, пусть даже местного масштаба, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные знания, почерпнутые из литературы или инструкций. Поскольку манипуляция общественным сознанием стала технологией, появились профессиональные работники, владеющие этой технологией (полностью или частично). Возникла система подготовки кадров, научные учреждения, научная и научно-популярная литература...

Еще один важный, хотя и не столь очевидный, признак состоит в том, что к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам. ...

Не включаем мы в понятие манипуляции и этикет – воздействие на поведение окружающих с помощью иносказаний и умолчаний, языка знаков, понимаемых только в данной культуре. Если человек понимает знак, то смысл обращения ему ясен и намерения того, кто «воздействует на его поведение», для него секрета не составляют. ...

Когда человек обращается к другому с использованием приемов этикета повышенного ранга (например, утонченно вежливо), он, конечно, стремится повлиять на поведение партнера в свою пользу. Но это – не манипуляция, поскольку здесь не скрываются ни факт воздействия, ни намерения. Напротив, знаковый язык должен быть понятен, иначе попытка воздействия и не может быть удачной²³. Без этикета и условностей жить в обществе невозможно. Но, применяя правила этикета, мы вовсе не обращаемся с человеком как с вещью, мы его уважаем как личность. Этот вид «нас возвышающего обмана» мы в понятие манипуляции не включаем» ...

...«Какую же цель преследует тот, кто желает манипулировать нашим сознанием, когда посылает нам сообщения в виде текстов или поступков? Его цель – дать нам такие знаки, чтобы мы, встроив эти знаки в контекст, изменили образ этого контекста в нашем восприятии. Он подсказывает нам такие связи своего текста или поступка с реальностью, навязывает

²³ Когда в Китае на дороге встречались процессии двух мандаринов, им предстояла долгая и сложная церемония взаимных приветствий. Если времени на это не было, то выслались вперед представители обеих сторон и они по обоюдному согласию договаривались, что обе свиты сделают вид, что не замечают друг друга. И процессии с носилками расходились по узенькой дорожке, а сановники свиты прикрывали лица веерами.

такое их истолкование, чтобы наше представление о действительности было искажено в желательном для манипулятора направлении. А значит, это окажет воздействие и на наше поведение, причем мы будем уверены, что поступаем в полном соответствии с нашими собственными желаниями...

Какова задача человека, который, не желая быть пассивной жертвой манипуляции, предпринимает маленькое исследование в духе герменевтики – пытается дать свою интерпретацию словам и поступкам? Его задача – воссоздать в уме, возможно полнее, реальный контекст сообщения и разными способами встроить в него услышанное или увиденное. Разумеется, совершенно полно воссоздать действительность невозможно, нужно провести отбор существенных ее сторон. Для этого герменевтика, как научный метод, как раз и дает полезные указания. Ясно, что особенно важно и трудно воссоздать специально скрываемые стороны действительности и их связи с сообщением. Например, интересы тех, кто «организует» сообщение (недаром еще древние римляне открыли важнейший принцип социальной герменевтики – «ищи, кому выгодно»).

Поиск скрытого смысла – психологически трудный процесс. Он требует мужества и свободы воли, ведь нужно на момент сбросить бремя авторитета, каким часто обладает отправитель сообщения. Власть имущие и «денежные мешки» – а в основном именно они нуждаются в манипуляции общественным сознанием – всегда имеют возможность нанять для передачи сообщений любимого артиста, уважаемого академика, неподкупного поэта-бунтаря или секс-бомбу, для каждой категории населения свой авторитет. С точки зрения психологии умение интерпретации определяется способностью личности легко переходить от одного контекста к другому, соединяя разные «срезы» действительности в единые картины. Экспериментальными исследованиями психологов выявлено, что около 30% испытуемых испытывают в этом сильные затруднения. Значит – тренироваться надо».

2.7. Лекторский В.П. Социальные технологии и человек // *Философия, познание, культура. М., 2012. С. 170–180.*

«До недавних пор казалось, что грандиозные технологические проекты покорения природы и переделки социальных отношений ушли в прошлое, что это неосуществимые утопии, попытки воплощения которых породили, с одной стороны, экологический кризис, а с другой – кризис антропологический.

Однако сегодня идеи о переделке природных образований, конструировании социальных отношений и трансформировании самого человека – его телесности и психики – вновь в повестке дня. Время утопий как будто бы возвращается. Это связано с возникновением феномена технонауки в контексте цивилизации знаний. Формулируется тезис о возможности выйти за пределы природных ограничений. При этом имеются в виду не просто технические конструкции, но и новые формы жизни и жизнедеятельности. Считается, что реализация этой новой проективно-конструктивной установки становится возможной в связи с развитием т.н. называемых конвергирующих нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий, основанных на соответствующих науках.

В связи с этим я хочу сформулировать тезис о том, что сегодня социальные технологии все в большей степени смыкаются с «конвергирующими». Поэтому сокращенное название последних НБИК можно сегодня дополнить буквой С (для технологий социальных) и читать в целом как НБИКС. Конечно, многие социальные технологии опираются на результаты в соответствующих областях знания об обществе и человеке: социологии, экономической науке, психологии. Это относится, например, к политическим технологиям, к технологиям пиара и рекламы, технологиям финансовых операций и т.д. Но все же главные сдвиги в социальных технологиях сегодня и завтра связаны с развитием технологий «конвергирующих». Сегодня это прежде всего информационно-коммуникационные технологии, в ближайшем будущем – биотехнологии, в более отдаленной перспективе нано- и когнитивные технологии. В связи с современным использованием социальных технологий возникает много проблем. В их осмыслении и нахождении путей решения философия играет особую роль.

Но даже если речь идет о субъектно-ориентированных социальных технологиях, все равно возникает ряд принципиальных проблем, которых в недавнем прошлом не существовало.

Дело в том, что технологии и соответствующие им техники не являются ценностно-нейтральными, по крайней мере, если речь идет о сложных технологиях. Конечно, если, например, иметь дело с таким простым приспособлением, как лопата, то ясно, что ее можно использовать для разных целей: и для копания ям, и для нанесения ударов по голове (вспомним применение саперных лопаток во время массовых демонстраций в недавнем прошлом). Сама по себе лопата ценностно-нейтральна, т.е. может быть использована как во благо, так и во зло. Но если иметь

дело со сложными технологиями и соответствующими им техниками, то тут дело обстоит иначе. Например, какие бы цели ни ставили перед собою те, кто пользуется политическими технологиями, технологиями пиара (возможно, имеется в виду достижение блага общества и каждого отдельного индивида, хотя в такие цели трудно поверить в случаях современного использования подобных технологий), ясно, что подобные технологии в любом случае предполагают внушение, пропаганду, «промывку мозгов», т.е. обращение с человеком как со средством для достижения таких целей, которые сам он не ставит.

Современные технологии, в частности социальные, по сути взрывают жизненный мир человека. Речь идет о таких его инвариантах, которые лежат в основе человеческого существования в отличие от культурно и исторически обусловленных его форм.

Смысл технологий в возможности контролировать определенные процессы и иметь способы надежного получения результатов. Возникновение новых результатов. Возникновение новых технологий определяется наличием знаний в соответствующих процессах. Отсюда и мнение о том, что по мере роста знаний будут возрастать возможности технологического воздействия на природные и социальные процессы, а потом и на самого человека (идея «постчеловека»). Контролировать процессы мы можем только тогда, когда способны предсказать результату наших действий.

Но сегодня ясно, что даже в случаях природных явлений мы не всегда можем предсказывать ход некоторых процессов и результаты нашего воздействия на них – например, когда мы имеем дело со сложноорганизованными системами. Тем более это относится к социальным процессам. Самое интересное в том, что появление и развитие тех явлений нашей жизни, которые мы ценим особенно высоко, так как они связаны с высшими человеческими смыслами и ценностями, не запрограммировано. Поэтому эти явления нельзя контролировать извне и управлять ими. Это такие явления, как любовь, коммуникация, диалог, творчество, нравственный поступок.

Иногда говорят о том, что смысл философской деятельности заключается в творческом конструировании новых миров и новых соответствующих им типов гоминидов (по-видимому в число последних включается и т. н. «постчеловек»). Я думаю, что в действительности философия играла другую роль в истории культуры. Философия всегда пыталась создавать такие концептуальные модели взаимоотношения человека и мира, которые помогали бы построить мосты между жизненным миром челове-

ка (включая окружающий мир и мир субъективности) и миром, создаваемый теоретической мыслью – научной и философской (микромир, мегамир, мир математических объектов, мир идей и т. д.). философия всегда была средством «обживания» тех необычных, противоречащих здравому смыслу миров, которые создавала творческая мысль, способом гармонизации постоянно менявшихся отношений между человеком и Космосом. В век «конвергирующих» технологий, взрывающих привычный жизненный мир, философия как незаменимый способ сохранения человека становится жизненно насущной.

Существует реальная опасность использования социальных технологий для уничтожения человека. В изданной посмертно книге А.А. Зиновьева «Фактор понимания» аргументируется тезис о том, что создание больших проектов чревато уничтожением социального времени и потерей смысла человеческого существования. Думаю, что эти рассуждения не беспочвенны.

Современные технологии могут способствовать возвышению человека. Но они могут и уничтожить его. А это значит, что они нуждаются в философско-гуманитарной экспертизе.»

2.8. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П Какой посткапитализм нужен России? // Вопросы Философии. 2014 № 10. С. 20–23.

«Поиск верных формулировок для выражения современных общественных идеалов, как и создание адекватных языковых средств междисциплинарного диалога, лежат в русле того, что может быть названо философской инженерией. Речь идет о целенаправленном использовании накопленных философией знаний и опыта для решения конкретных задач, приобретающих особую значимость в определенных условиях для определенных групп людей.

Такие выражения, как «философская инженерия» и «философские технологии», как правило, весьма настороженно воспринимаются профессиональными философами. Вместе с тем растет осознание потребности современного общества в социогуманитарных технологиях. Речь идет, помимо прочего, об участии социогуманитарного знания в конвергентном развитии нано-, био-, инфо- и когнитивных наук и технологий. Это развитие столь стремительно и открывает возможности настолько важных изменений в жизни человека и общества, что позволяет говорить о феномене НБИКС-революции.

Традиционно под технологией понималась совокупность методов, применяемых в процессе производства для получения готовой продукции. Эти методы включают обработку, изготовление, изменение свойств и формы сырья, материалов и полуфабрикатов. Таковы, например, технологии механической и термической обработки, сборки и т.д. «Обычные» технологии гарантируют получение ожидаемого продукта при использовании необходимых исходных материалов, средств, оборудования и выполнении необходимых операций с соблюдением соответствующих правил. Социогуманитарные технологии делают достижение ожидаемого результата лишь вероятным, поскольку сознание и поведение индивидов и групп в реальных условиях определяется множеством разнообразных факторов, далеко не все из которых могут быть учтены при разработке и применении технологий.

Б.Г. Юдин, отмечая, что в технологическом контексте вопросы истины и качества знания отходят на задний план, подчеркивает манипулятивный характер современных гуманитарных технологий. Действительно, именно манипулятивные технологии наиболее активно продвигаются и востребованы на рынке. Психологи подчеркивают, что манипулирование человеком позволяет скрытым образом влиять на его выбор и принятие решений, играть на его слабостях, программировать мысли и намерения, создавать иллюзию самостоятельного выбора и совершения поступка. Важным условием успеха манипуляции является синкретизм восприятия адресатом комбинированных информационных воздействий, существенно понижающий возможности рациональной оценки.

Очевидно, что социогуманитарные технологии, с которыми связаны перспективы выживания и развития человека и человечества в XXI в., должны иметь иной, неманипулятивный характер. Такие технологии могут основываться скорее на классических («устаревших») нормах и идеалах освоения человеком мира и взаимодействия людей, чем на «современных» способах повышения эффективности манипуляций. В этом контексте особенно интересны инженерные составляющие философии, связанные с логикой и теорией аргументации.

Теорию аргументации иногда называют логической инженерией, соотнося ее с риторикой как филологической инженерией. Признавая важнейшую роль логики в организации аргументационных воздействий и их оценке, мы склонны рассматривать теорию аргументации в более широком плане – как философскую инженерию. Нормативное ядро современной теории аргументации сохраняет связь с классическими идеалами,

определившими когда-то характер Аристотелева учения о диалектике и риторике. Стремление приблизиться к истине и помочь в этом другому, честность и следование правилам логики, уважение к адресату и аудитории, умение представить мысли в форме, наиболее подходящей для восприятия слушателями или читателями – базовые требования к аргументирующему и основания оценки аргументации. Теория аргументации, апеллируя к рациональности адресата, его способности анализировать и критически оценивать рассуждения самых разных видов – включая те, где речь идет о мотивах и чувствах – объективно содействует повышению порога манипулятивной уязвимости личности. Основные установки теории аргументации предполагают, что адресат информационного воздействия обладает свободой в оценке информационных воздействий и осознает эту свободу.

Метакультура аргументации, определяемая идеей доброй разумности – одна из спектра метакультур, целенаправленное формирование которых является задачей философской инженерии. Мы полагаем, что именно метакультуры призваны компенсировать отсутствие объединяющей общество идеологии, о потребности в которой так много говорят сегодня, но которая вряд ли способна возникнуть в современных условиях. Создание метакультуры требует нахождения общих оснований, необходимых для взаимодействия и совместного развития разных культур и субкультур, в том числе формирующихся в различных социальных и профессиональных группах.

В данном контексте интересные перспективы открывает развиваемая В.С. Степиным концепция культуры как системы надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения. Речь идет о программах исторически развивающихся, представленных в многообразии знаний и навыков, норм и идеалов, образцов деятельности и поведения, социальных целей и ценностей. Очерченная система содержит и реликтовые программы («осколки» культур прошлого), и современные (соответствующие запросам и потребностям сегодняшнего общества), и новаторские. Последние представляют собой программы видов и форм человеческой деятельности, возможных в будущем. Общество должно создавать запас подобных «проектов», лишь малой части которых суждено осуществиться на деле, но значимость тех, что будут претворены в жизнь, может оказаться огромной.

Исходя из понимания культуры как системы программ, правомерно обратиться к вопросу о языках, на которых такие программы создаются.

Мы знаем, что на одном и том же языке программирования может быть написано множество самых разных компьютерных программ. Однако трудно представить себе, что новые программы культуры могут возникнуть без каких-либо изменений в языке. Такие изменения, как правило, не обходятся без появления новых слов и придания новых смыслов словам ранее известным. Порой обновления языка открывают возможности создания метакультур, не всегда осуществляемые на практике.

Показательно в этом отношении наделение новым смыслом слова «россияне», происшедшее в 90-х гг. прошлого столетия. В толковых словарях 80-х слово «россиянин» характеризовалось как высокопарное и устаревшее, синонимичное слову «русский». В начале 90-х официальные лица государства стали называть россиянами все население Российской Федерации, что поначалу встречалось с недоумением и иронией. Сегодня слово «россияне» стало привычным, оно обозначает людей, живущих в Российской Федерации или граждан данного государства. Однако «россияне» больше не является синонимом слова «русские» (например, живущие в Москве русские граждане Молдовы говорят: «Мы русские, но мы не россияне»). Так или иначе, придание нового смысла слову «россияне» открыло перспективу формирования новой российской метакультуры, однако это перспектива не только не претворена в жизнь, но и не осознана в достаточной степени. Препятствовала созданию такой метакультуры и активация архаичных программ, ведущих к размежеванию по религиозному признаку, и вопиющее имущественное неравенство, неожиданно пришедшее на смену почти достигнутому социальному равенству позднесоветского времени. Подобные трудности не имеют фатального характера, но их следует учитывать и осмысливать, создавая программу российской метакультуры, без которой страна рискует превратиться в формально-юридическое объединение в одном государстве все более отдаляющихся друг от друга социальных, религиозных, этнических групп.

Очевидно, что и внутри культур, и в метакультурах, и в отношениях между разными метакультурами возникают и будут возникать всякого рода противоречия. Важно, чтобы противоречия становились источником развития, а не вели к разрушению систем и системных объединений, в рамках которых они действуют, не причиняли ущерба людям и обществам. Соответствующий регулятивный принцип может быть назван принципом совместимых возможностей. Речь идет о возможности самосознания и самоосуществления человека в пределах более чем одной субкультуры, культуры и метакультуры. Например, соблюдение принци-

па совместимых возможностей необходимо в программировании таких метакультур, как российская, русская и евразийская.

Создание программ современной русской метакультуры – достойная задача гуманитарной инженерии. В эпоху, когда противниками русского единства вкладываются огромные усилия и средства в формирование «нерусской Украины» и воспитание «украинца, убившего в себе русского», следует особенно внимательно отнестись к языку программирования русской метакультуры как охватывающей великорусскую, белорусскую и украинскую. В этом контексте может оказаться полезным осовременивание некогда общепринятого деления русских на великороссов, малороссов и белорусов. Примечательно, что недавно почти забытое слово «малоросс» сегодня используется как самоназвание многими из тех украинцев, кто не желает противопоставлять себя русским. В то же время, немалое число их соотечественников воспринимают это название как пренебрежительное, подразумевающее «недорусский». Последнее толкование совершенно неверно, однако не считается с его существованием неразумно. В этих условиях в дополнение к «малороссам» или вместо этого названия можно предложить слово «перворусы» («первороссы»). Мы сознаем, что непривычный конструкт «перворусскости» может вызвать возражения, однако его происхождение вполне законно. Ведь было время, когда Русью называлась только небольшая территория на северо-востоке современной Украины. Новгородец, отправившийся в Киев, считался поехавшим из Новгорода на Русь.

Дополнение евразийской экономической интеграции формированием соответствующей культурной идентичности осознается сегодня как практическая задача. Возможно, здесь уместно вести речь о создании системы программ евразийской метакультуры. В этом контексте актуализируются идеи евразийской «симфонии», выработанные горсткой русских эмигрантов в Европе 20-х гг. XX в., растет интерес к методологии ученых, создавших евразийство как интеллектуальное движение. Вместе с тем, интеллектуалы Северной Евразии ищут новые средства и методы самоописания и самопроектирования, отвечающие вызовам эпохи и задачам исторического творчества.

Посткапиталистическая перспектива России может мыслиться как общество знаний, характеризующееся интенсивным развитием социогуманитарных технологий неманипулятивного характера и философской инженерии. Идея доброй разумности задает интеллектуально-нравственные ориентиры такого общества, становится основанием оцен-

ки поступков людей и работы всего социального организма. Самопознание и самопроектирование общества предполагает сознательное культуросоцирование, осуществляемое, в частности, через «программирование» метакультур.»

Очевидно, что и внутри культур, и в метакультурах, и в отношениях между разными метакультурами возникают и будут возникать всякого рода противоречия. Важно, чтобы противоречия становились источником развития, а не вели к разрушению систем и системных объединений, в рамках которых они действуют, не причиняли ущерба людям и обществам. Соответствующий регулятивный принцип может быть назван принципом совместимых возможностей. Речь идет о возможности самосознания и самоосуществления человека в пределах более чем одной субкультуры, культуры и метакультуры. Например, соблюдение принципа совместимых возможностей необходимо в программировании таких метакультур, как российская, русская и евразийская.

Создание программ современной русской метакультуры – достойная задача гуманитарной инженерии. В эпоху, когда противниками русского единства вкладываются огромные усилия и средства в формирование «нерусской Украины» и воспитание «украинца, убившего в себе русского», следует особенно внимательно отнестись к языку программирования русской метакультуры как охватывающей великорусскую, белорусскую и украинскую. В этом контексте может оказаться полезным осовременивание некогда общепринятого деления русских на великороссов, малороссов и белорусов. Примечательно, что недавно почти забытое слово «малоросс» сегодня используется как самоназвание многими из тех украинцев, кто не желает противопоставлять себя русским. В то же время, небольшое число их соотечественников воспринимают это название как пренебрежительное, подразумевающее «недорусский». Последнее толкование совершенно неверно, однако не считается с его существованием неразумно. В этих условиях в дополнение к «малороссам» или вместо этого названия можно предложить слово «перворусы» («первороссы»). Мы сознаем, что непривычный конструкт «перворусскости» может вызвать возражения, однако его происхождение вполне закономерно. Ведь было время, когда Русью называлась только небольшая территория на северо-востоке современной Украины. Новгородец, отправившийся в Киев, считался поехавшим из Новгорода на Русь.

Дополнение евразийской экономической интеграции формированием соответствующей культурной идентичности осознается сегодня как прак-

тическая задача. Возможно, здесь уместно вести речь о создании системы программ евразийской метакультуры. В этом контексте актуализируются идеи евразийской «симфонии», выработанные горсткой русских эмигрантов в Европе 20-х гг. XX в., растет интерес к методологии ученых, создавших евразийство как интеллектуальное движение. Вместе с тем, интеллектуалы Северной Евразии ищут новые средства и методы самоописания и самопроектирования, отвечающие вызовам эпохи и задачам исторического творчества.

Посткапиталистическая перспектива России может мыслиться как общество знаний, характеризующееся интенсивным развитием социогуманитарных технологий неманипулятивного характера и философской инженерии. Идея доброй разумности задает интеллектуально-нравственные ориентиры такого общества, становится основанием оценки поступков людей и работы всего социального организма. Самопознание и самопроектирование общества предполагает сознательное культуросозидание, осуществляемое, в частности, через «программирование» метакультур.»

Издание подготовлено в авторской редакции

Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета

Заказ № 1791 от «1» августа 2016 г. Тираж 30 экз.